

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Эля Колесникова

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ РИТОРИКИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 80/81
ББК 83.7
К 60

Колесникова Э.

К 60 Введение в теорию риторики. — М.: Языки славянской культуры. — 160 с. — (Studia Philologica).

ISBN 978-5-9551-0681-6

Книга посвящена проблемам теории риторики. Рассматриваются как классические греко-римские, так и современные теоретические модели. В область риторических исследований вводятся те направления лингвистической и лингвофилософской мысли, которые традиционно оставались за ее пределами. В последней главе предлагается альтернативный подход к теории риторики и определению границ «риторического».

Для лингвистов, филологов, студентов, аспирантов и преподавателей риторики.

ББК 83.7

*В оформлении обложки использован
фрагмент картины Б. Гоццолли
«Св. Августин преподает риторику и философию в Риме»*

Эля Колесникова
ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ РИТОРИКИ
Корректор Л. Панова. Оригинал-макет подготовлен Л. Пановой
Художественное оформление переплета И. Богатыревой
Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.

ISBN 978-5-9551-0681-6

© Э. Колесникова, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Риторика и риторическое в европейской культуре.....	9
Глава 2. Классическая риторика: нормативная модель.....	22
Глава 3. Неориторика: дескриптивная модель.....	36
Глава 4. Риторика без риторики.....	56
Глава 5. Естественная vs культивированная речь.....	73
Глава 6. Имплицитная семантика как риторический прием.....	85
Глава 7. Возможна ли универсальная риторика?.....	97
Глава 8. Риторика как врожденная способность.....	114
Примечания.....	125
Литература.....	147

Сегодня мне никуда не деться от грусти, потому что человек,
от которого я ждала бы самой бескомпромиссной критики
и — хочется верить — великодушной похвалы, уже никогда
не прочтет этот текст.

Светлой памяти Тани Райнхарт я посвящаю эту книгу

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вы учите своих студентов тому же, чему и пять лет назад, то либо ваш предмет мертв, либо вы разучились мыслить.

Ноам Хомский

Рядом со словом *риторика* есть большой соблазн поставить *история*, а не *теория*: это не только сразу упрощает задачу автора, но и гораздо более определенно сообщает читателю о том, что его ждет под обложкой. Историю риторики, при всех подстерегающих сложностях, всё-таки вполне возможно изложить линейно, начиная, разумеется, от античной Греции и завершая сегодняшним днем. С теорией всё непонятно. Если в теоретическом поле риторики мы попытаемся отыскать хоть какое-то единство, мы опять-таки окажемся в греко-римском периоде и, незаметно для себя, перейдем на историческое изложение. В XX—XXI вв. мы ничего хоть сколько-нибудь похожего на единую теорию не обнаружим, даже обратившись к так называемому риторическому ренессансу — короткому периоду с конца 50-х до примерно середины 70-х гг. XX в. Тут нас ждет довольно пестрая мозаика, собрать все кусочки которой в единое полотно невозможно. И, по большому счету, не нужно: сколь бы тщательно мы ни складывали вместе разрозненные фрагменты, целостной теории мы, увы, не получим. Дело в том, что все исследователи, занимавшиеся в XX в. риторической проблематикой, практиковали описательный, а не теоретический подход: они искали ответы на вопрос *как?*, чуть реже — *зачем?*, однако вопрос *почему?*, который в первую очередь и прежде всего ставит теория, традиционно оставался «в темном поле сознания». Это ни в коем случае не упрек и тем более не укор — просто эти исследователи ставили перед собою задачи иного рода.

В этой книге я отдала дань традиции, в первых главах представив риторику в исторической перспективе — Глава 2 посвящена классиче-

ской греко-римской риторике, Глава 3 — неориторике. Однако начиная с Главы 4 я постаралась включить в область теории риторики тот круг проблем и вопросов, которые традиционно остаются за кадром, однако, по моему глубокому убеждению, самым непосредственным образом касаются главной теоретической проблемы риторики — как и почему возможна эффективная речь?

Рассматривая современную риторику, я уделила большое внимание не только тем направлениям и отдельным авторам, которые эксплицитно определяли свои исследования как риторические, но и тем, которые непосредственно к риторике не относятся, а порою и вовсе не используют даже самого этого слова, однако круг их научных интересов отчетливо пересекается с риторической проблематикой. Отдельная глава посвящена проблеме соотношения спонтанной и культивированной речи, являющейся, по моему глубокому убеждению, одной из центральных проблем риторики. Вопреки сложившейся традиции я лишь пробежалась по теме тропов и фигур речи, не останавливаясь на ней подробно. Для этого есть по крайней мере две причины. Во-первых, имеющаяся — в том числе и на русском языке — литература по вопросу огромна и любой заинтересованный читатель без труда может к ней обратиться. Во-вторых (что для меня более важно), место фигур речи в теории риторики мне кажется изрядно преувеличенным.

Разумеется, круг проблем теории риторики существенно шире того, который мне удалось здесь очертить. Единственное, что меня в какой-то мере извиняет — это то, что всякий научный результат является заведомо промежуточным. Это обстоятельство, наряду с чудесным афоризмом Поля Валери, который любил цитировать Уистан Хью Оден — *a poem is never finished, it is only abandoned* — позволили мне поставить в этой работе точку.

Я выражаю огромную благодарность Номе, Джозефу, Ксене, Фрэнку, Лере, Лёне и моей маме за критику, бесценные научные советы, постоянную поддержку и человеческое тепло. Вместе с сердечной благодарностью я прошу их принять мои извинения за все недостатки, которые вопреки их стараниям всё же остались в книге.

ГЛАВА 1. РИТОРИКА И РИТОРИЧЕСКОЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Напрасно думают, что это — умение говорить то, чего на самом деле не думаешь. Это — умение сказать именно то, что ты думаешь, но так, чтобы не удивлялись и не возмущались. Умение сказать свое чужими словами. Музы в прологе к «Феогонии» говорят:

Мы знаем, как сказать много неправд
Похожими на правду,
Но и знаем, как выговорить правду,
Когда хотим.

М. Л. Гаспаров. Записи и выписки

Древние греки, отцы-основатели риторики, определяли ее как *науку убеждать*. В это минималистское определение укладываются, вообще говоря, все цели и задачи риторики, которые перед ней ставили греки. Очевидно, что определение было адресовано в первую очередь к *покупателю* риторики: это был ее товарный знак, слоган бренда, призванный в сжатой форме объяснить полезность риторики и ее необходимость. Сегодня это греческое определение сходит лишь отчасти, поскольку убеждение является хоть и основной, но отнюдь не единственной задачей риторики. В наши дни риторике стоило бы дать несколько другое определение, столь же минималистское: *наука об эффективной речи*. Что происходило с этой одновременно очень древней и очень современной наукой на пути от одной кратчайшей дефиниции до другой, я постараюсь показать в этой книге.

Почему вообще появилась эта специальная область знания? И зачем? Что дает нам основания со спокойной совестью называть точное время возникновения риторики — V в. до н. э.? Ведь убеждающая и эффективная речь существовала всегда, во все времена и во всех культурах¹. Почему же тогда мы так определенно локализуем

риторику во времени и пространстве: V в. до н. э., Древняя Греция? И даже еще точнее — увеличим масштаб карты — V в. до н. э., Афины?

Ровно столько, сколько существует естественный человеческий язык, у его носителей есть потребность кого-то в чем-то убеждать, т. е. использовать язык с наибольшей эффективностью. Каждый человек с сохранной языковой способностью может порождать на родном языке неисчислимое количество устных и письменных текстов в самых разнообразных речевых жанрах. Это, так сказать, дано нам от рождения. Зачем же тогда риторика — специальная наука о том, как это делается? Ведь нет же науки о том, как ходить, дышать или глотать? А будь такая наука и рискни мы ею воспользоваться, мы бы долго стояли на месте перед тем, как сделать первый шаг, припоминая и обдумывая, какую группу мышц следует привести в движение.

Однако попробуем посмотреть под несколько иным углом зрения. Человека, от природы наделенного способностью петь, мы ведь не называем певцом. А имеющего актерские способности называем артистом разве что фигурально. И в самом деле: обе эти сферы деятельности — и певческая, и актерская — требуют выучки, овладения мастерством (на понятие *мастерства* обратим внимание, оно нам очень скоро потребуется). Мастерство человек приобретает от кого-то: прямого или непрямого учителя, который прежде сам овладел этим навыком и изучил эту область, т. е. подверг ее рефлексии. Для того чтобы появилась новая область знания, именно это и нужно: рефлексия и профессиональная выучка.

С этого и началась в Древней Греции риторика.

Любая наука начинается с поиска нового знания, направленного на тот или иной *объект*. В процессе ее становления формируется *предмет* исследования, который не дан нам в непосредственном наблюдении, а представляет собою некоторый, если угодно, конструкт, созданный учеными для своих исследовательских целей. Объектом риторики является *речь*. Она существует совершенно независимо от воли и желания исследователя и, конечно же, прекрасно существовала и до всякой риторики. А вот *эффективная речь* — предмет изучения риторики — вычленяется лишь на основании рефлексии над речью, т. е. путем проделывания некоторых исследовательских процедур. Вычленение этого предмета исследования стало возможным лишь тогда, когда естественная человеческая речь превратилась в объект исследования.